КРОКОДИЛ

ВЕСНА! ВСЕ ЦВЕТЕТ...

И ЗЕЛЕНЕЕТ

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

А. ВИХРЕВ

УВЯЗЛИ...

Вообще-то чавкающее бездорожье, непроезжий суглинок, бешеное вращение буксующих скатов в плывучем месиве — повод для чертыханий временный. Поприпечет весеннее солнце, и окаменеет коростой предательская жижа, и с хрустом покатят по немощеной дороге вчерашние пленники разливанной распутицы.

Однако для американской военной машины, пускающей пузыри в нескончаемых топях Индокитая, дорожная обстановка к лучшему не изменится. Больше того, пентагоновский вездеход будет зарываться все глубже и безвылазнее при каждом новом рывке вперед... И напрасно он поблескивает новейшими деталями, напрасно устрашает неопытный слух гулом и рыком супермотора. На самом деле вся его конструкция до последнего винтика так бесповоротно устарела, что, кажется, даже и придумана была именно с расчетом, чтобы сидеть ему и сидеть в жидкой, коварной, хлюпкой грязи. «Непрерывная цепь позорных провалов — вот чем обернулись на практике авантюрные замыслы американских агрессоров»,— подчеркивается в документах XXIV съезда КПСС.

И тщетно суют под гусеницы вездеходу щедрые связки могильных крестов, укладывают гать из тысяч гробов или тужатся вытянуть военную колесницу тросами, свитыми из южновьетнамских, южнокорейских, таиландских и прочих батальонов и полков.

Такая впечатляющая картина рисуется не только нашему мысленному взору. Эта жалкая, безотрадная картина повергает в смятение многих критически мыслящих американцев, в том числе и стоящих не очень далеко от кормила власти.

Кажется, уже нет таких тревожных, горестных, предостерегающих слов, которые не были бы сказаны ими по адресу индокитайской политики США,— от «величайшего заблуждения» и «полного провала» до «трагедии» и «кошмара».

— Президент Никсон должен сознавать, что страна хочет прекращения войны в Юго-Восточной Азии,— говорит сенатор Эд. Маски.— До тех пор, пока мы не установим точную дату вывода американских войск из Южного Вьетнама, мы будем стоять перед опасной перспективой дальнейшего расширения войны в Индокитае.

— Правительство США должно признать, что вьетнамская война была ошибкой с самого начала, и полностью уйти из Индокитая,— заявляет сенатор Дж. Макговерн.

— Эту войну выиграть невозможно,— коротко резюмирует Аверелл Гарриман.

Все сказано как будто бы правильно. И притом сказано не демонстрантом в Лондоне или журналистом в Сиднее, не телезрителем в Париже или студентом в Свердловске. А именно полномочными государственными деятелями, каковые по идее могут непосредственно влиять на официальный политический курс США.

Как же отвечают на здравые соображения и советы те, кто этот курс проводит, если тут уместно это выражение, в жизнь?

Отвечают тоже как будто бы здраво.

— Мы оказались связанными во Вьетнаме, участвуя в войне, в которой нет героев,— сознается президент Никсон.— Наш народ устал от войны, он сыт ею по горло.

Эти и великое множество подобных им заявлений были сделаны в самое последнее время, после «вьетнамизированной» мальбруковской операции в Южном Лаосе, откуда американо-сайгонское воинство бежало сломя голову как в фигуральном, так и в прямом смысле.

Этим заявлениям хотелось верить. Если бы тюки подобных признаний гибельности индокитайской авантюры отправить на те неведомые тропинки в джунглях, где, надсадно рыча, который год по брюхо в грязи буксует упомянутый американский вездеход, то, глядишь, по такому настилу вездеход бы и выбрался...

В общем, хотелось думать, что сокрушительный разгром интервентов в Лаосе научит, наконец, кое-чему политических стратегов в Вашингтоне. Ну, хотя бы намекнет им, что история не намерена укладываться в схемы доктрин и операций, круглосуточно выпекаемых Пентагоном. И что если, как сказал Никсон, американцы действительно устали от войны, то не пора ли...

Господин президент поспешил развеять эти иллюзии. Он торопливо отмежевался от сенаторов, требующих покончить с войной. В интервью газете «Нью-Йорк таймс» он дал понять, что любые, даже самые сокрушительные просчеты и провалы американской глобальной политики — ничто в сравнении с ее Главной Целью. Вот она: «Сохранение политической роли США в мире посредством силы».

Иначе говоря, вездеходу предписано еще сидеть и сидеть в липкой трясине индокитайского бездорожья. И, увязая все глубже, сохранять «политическую роль США» в этой негостеприимной местности.

Политическая, стало быть, роль. Звучит как будто пристойно. Но неужто авторы этой бледной ораторской формулировки только ради нее идут на такие крупные неприятности, как война в Индокитае? Не кроется ли за этими чопорно-туманными словесами чего-нибудь попроще, поконкретнее?

Вот, скажем, известно, что из болота индокитайской войны прямиком в сейфы военно-промышленных монополий бьет неиссякаемый золотой фонтан сверхдоходов. Впрочем, уже пробиваются и фонтаны натуральные: нефтяные короли США унюхали в Индокитае густой аромат нефти. И, конечно же, в качестве учебного полигона для отработки тактики «локальных» войн в других горячих точках планеты Индокитай тоже вполне годится. А новые войны — опять-таки новые прибыли. Доллар — вот порочный круг, по которому заокеанские «землепроходцы» упрямо вычерчивают свои азимуты.

Поэтому-то, как отметил в своем выступлении на XXIV съезде КПСС Генеральный секретарь Компартии Соединенных Штатов Гэс Холл, в планы американского империализма «никогда не входил и не входит вывод всех вооруженных сил США из Юго-Восточной Азии».

Так что жестокие конвульсии военной машины, засевшей в непролазных хлябях индокитайской распутицы, далеко не всем в Америке внушают ужас и отвращение. Немалое число упитанных джентльменов сидит у каминов, довольно потирая руки. Конечно, не забывая при этом время от времени публично выражать озабоченность затянувшейся войной: «Ах, как бы найти дорогу к этому самому, как его там, мирному урегулированию...»

Это называется «работать под дурачка». И добавим — «на дурачка».

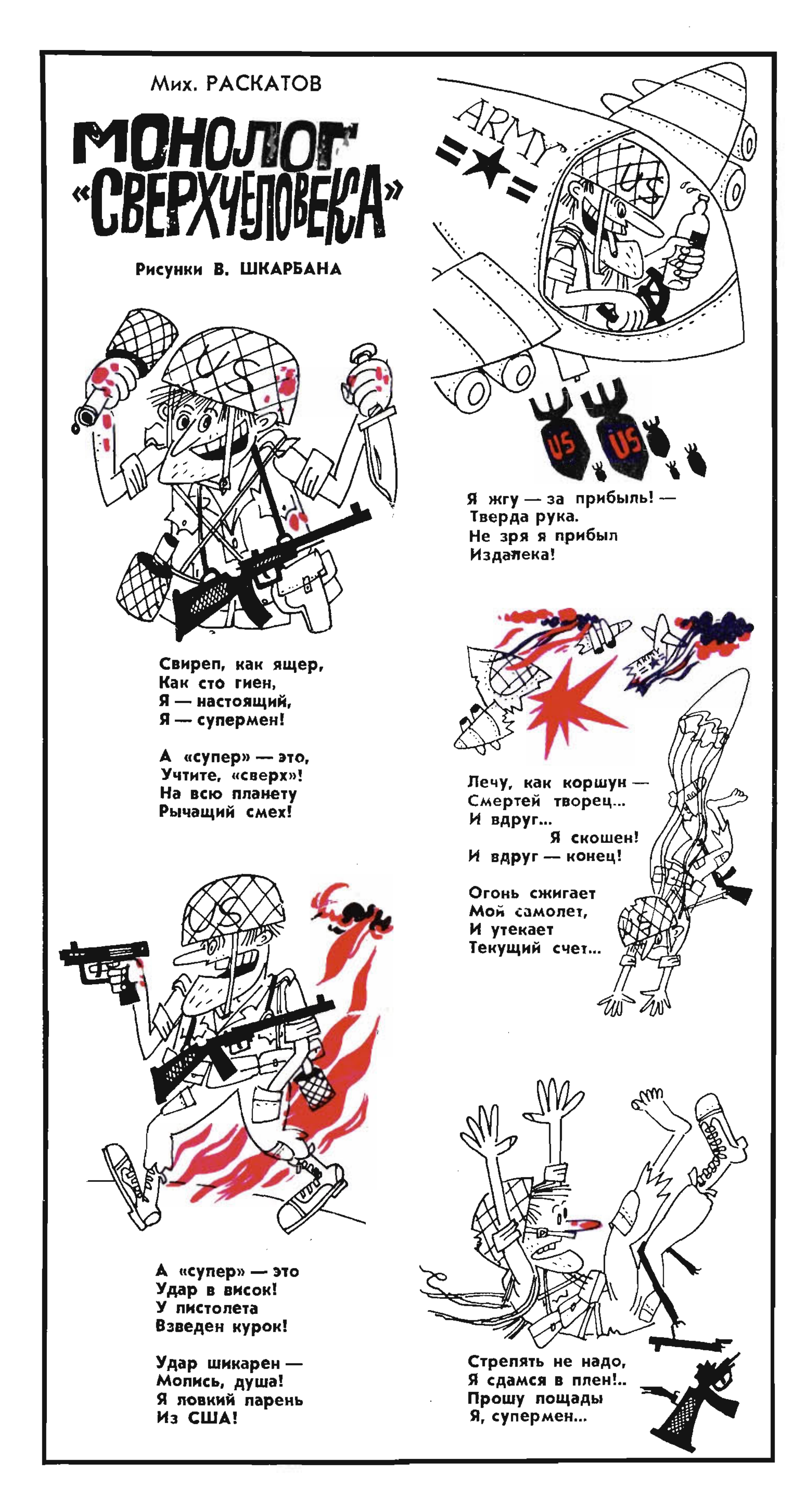
Меж тем весеннее солнце, как и следовало ожидать, припекает все жарче. Но даже оно, всемогущее, не подсушит вязкую топь бездорожья и не поможет американскому грязеходу выползти из трясины на твердую почву. В этом смысле для водителей буксующей колымаги который год подряд продолжается вроде как непрерывная весна.

Если заглянуть, однако, немного вперед, это такая весна, что похуже любой осени будет.

Мих. РАСКАТОВ

МОНОЛОГ «СВЕРХЧЕЛОВЕКА»

Рисунки В. ШКАРБАНА

Свиреп, как ящер,
Как сто гиен,
Я — настоящий,
Я — супермен!

А «супер» — это,
Учтите, «сверх»!
На всю планету
Рычащий смех!

А «супер» — это
Удар в висок!
У пистолета
Взведен курок!

Удар шикарен —
Молись, душа!
Я ловкий парень
Из США!

Я жгу — за прибыль! —
Тверда рука.
Не зря я прибыл
Издалека!

Лечу, как коршун —
Смертей творец...
И вдруг...
Я скошен!
И вдруг — конец!

Огонь сжигает
Мой самолет,
И утекает
Текущий счет...

Стрелять не надо,
Я сдамся в плен!..
Прошу пощады
Я, супермен...

Для разгона антивоенных демонстраций в США власти применяют гранаты со слезоточивым газом.

— А еще говорят, что война во Вьетнаме нас ничему не научила.

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

НАШ ДАЛЕКИЙ ДРУГ «ПАСКИН»

PASQUIM

Не так давно в Рио-де-Жанейро народился «Паскин». Правда, ему уже за восемьдесят. Но не лет, а недель.

Если взять его в руки, то сразу бросятся в глаза пристроившиеся рядом с заголовком слова: «Рекомендуется для читателей старше шестнадцати лет».

Но этой рекомендации, к счастью издателей, читатели не очень-то придерживаются. Они охотятся за «Паскином», этим юмористическим бразильским еженедельником, независимо от своего возраста.

И виновны в этом не читатели, а скорее сам «Паскин», популярный журнал, выступающий нередко, несмотря на всю трудность обстановки, с острыми политическими памфлетами на злободневные темы бразильской действительности. Правда, такие выступления зачастую дорого обходятся «Памфлету», как можно было бы перевести на русский язык название еженедельника. А неприятных моментов в его жизни, прямо скажем, немало.

Вот что, например, произошло с «Паскином» 15 декабря прошлого года. Издатели подготовили и своевременно направили все материалы очередного номера в Департамент цензуры для проверки: не содержат ли они «пропаганду подрывных идей», «идеологию, наносящую ущерб традициям и морали общества», как предписывает «Закон о цензуре».

И номер не вышел. Материалы были переданы в Управление политического и общественного порядка, сокращенно SOPS, что уже звучало для «Памфлета» как SOS. В тот же день еженедельник был закрыт «до особого распоряжения».

Журнал оказался в «нокауте», длившемся несколько недель. Но «Паскину» не привыкать к подобным передрягам. Ему не впервой.

В самом деле, в начале ноября, за неделю до всеобщих выборов, в стране проводилась крупнейшая за последние шесть лет военно-полицейская операция с целью ареста так называемых «подрывных элементов». К числу тех, кто «планировал государственный переворот», приписали и сатириков. Против «Памфлета» была брошена армейская полиция. Она ворвалась в редакцию и арестовала «группу заговорщиков», которая насчитывала девять человек. Все были увезены в неизвестном направлении.

«Заговорщики» находились под арестом более двух месяцев. Разделенные на две группы, они побывали в четырех военных казематах. Привыкшие брать пространные интервью для журнала, теперь они сами вынуждены были подвергаться длительным допросам. На первом из них каждому задали по 54 вопроса, среди которых были, к примеру, такие: «Выражаетесь ли вы нецензурными словами в присутствии детей?», «Что вы думаете о певце Тони Торнадо?», «Что вы думаете о министре просвещения и культуры Пассариньо?» и т. д. Конечно, охранка интересовалась и самим многострадальным «Паскином», его финансовым положением.

Но самым скверным для арестованных было то, что их держали в полной изоляции от внешнего мира. Ни родные, ни адвокаты не знали, где они находятся. А тут на них свалилась новая беда: проамериканская газета «О Глобо», которой нередко доставалось от «Паскина», запустила со своих страниц утку, будто сатирики причастны к похищению швейцарского посла.

На воле же «Паскин» продолжал жить и громить реакционеров сатирическими залпами. Как только полиция увезла арестованных, появились временные руководители журнала, и со всех сторон посыпались материалы от студентов и журналистов. Один из номеров назывался «Паскин-автомат», то есть выходящий автоматически назло всем его врагам. Арестованные журналисты и в застенках пользовались популярностью: нередко солдаты-охранники тайком просили их дать автографы на экземплярах непокорного еженедельника.

Только через месяц мужественным бразильским адвокатам Эваристо де Мораис Фильо, Аугусто Суссекинду и Жорже Таваресу удалось — причем с большим трудом — обнаружить местонахождение арестованных журналистов.

Орден адвокатов Бразилии и Бразильская ассоциация печати тоже развернули широкую кампанию с требованием немедленного освобождения сатириков. На заседании ОАБ была публично процитирована историческая фраза знаменитого бразильского адвоката Собрала Пинто: «Сегодняшние тюремщики могут завтра стать узниками».

В канун Нового года бразильские власти вынуждены были освободить отважную девятку журналистов, так и не предъявив им обвинений. «Паскин», как и прежде, ведет борьбу за демократию, против произвола.

В одном из последних номеров журнала во всю страницу была изображена мишень, а в десятке — символическое изображение «Памфлета». На ней видны попадания пуль в «молоко», в двойку, пятерку и даже восьмерку.

А в «десятку» не попали. Значит, по-прежнему бьется сердце «Паскина».

П. ТАМАРИН

г. Рио-де-Жанейро.

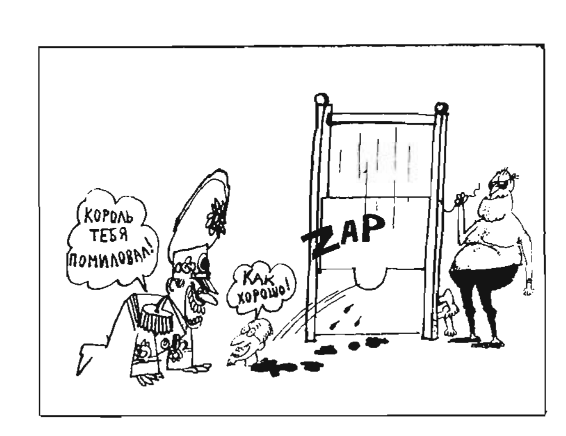

Рисунок из журнала «Паскин».

ВНИМАНИЕ — ВЕСНА!

По проводам, по птичьей почте
Несутся вести — бодрый гам...
Набрякли на деревьях почки,
Набухли пачки телеграмм:
— Воспряньте, травы, клены, вишни,
Встряхнитесь крепко после сна!
И комментарии излишни:
Идет Весна! Грядет Весна!
Она шагает по долинам,
Среди ликующих аллей,
И целый свет сошелся клином
На звонкой стае журавлей.
Весна развесила на кленах
Плакат невиданной длины:
«За массовый охват влюбленных
Сплошной романтикой весны!»

По этой части — все в ажуре,
Ведь в парке на посту своем
Луна-дружинница дежурит
С общественником-соловьем.
В пути — Весна.
Бригады в сборе.
И, куртки скинув после стуж,
Давай мести остатки сора
Из комнат, площадей и душ.
Сияй, Земля! Сверкай, раздолье!
Улыбка, вечно будь ясна!
...Итак, Весна.
Чего же боле?
Добавить нечего — Весна!

И. МИРСКИЙ

— Будут спрашивать — скажи, что уехал трассу проверять...

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

С. ШАТРОВ

РОДСТВЕННИК НЕВЕСТЫ

Рассказ

В кругу родных Матвей Кузьмич Журин слыл проницательнейшим человеком. «Дайте мне побеседовать десять минут с незнакомым гражданином,— хвастал он,— и я безошибочно определю его культурную кредитоспособность и моральные параметры». Матвей Кузьмич любил выражаться витиевато, он был адвокатом, приверженцем старой ораторской школы.

В то утро Журин с женой обсуждали неожиданный приезд родственницы из Бугульмы.

— Кем она тебе приходится? — допытывалась жена.

— На нашем генеалогическом дереве все перепуталось,— уклончиво ответил Журин.— Называй ее тетей из автономной республики.

— Интеллигентная тетя,— сказала Журина.— Заехала, как к себе домой. Даже гостинца не привезла.

— В Бугульме добывают нефть. Ты нуждаешься в нефтепродуктах — керосине, газойле или дизельном топливе?

— Я не нуждаюсь ни в газойле, ни в отходах твоего остроумия,— отрезала жена.

Родственница Леля была круглой, как матрешка, женщиной. Журин сразу же определил, что ее ум не вспахан мыслями. К тому же тетя Леля всего боялась. Она боялась переходить улицу под землей, есть рыбу нототению и ездить в скоростных лифтах. Она привезла с собой дочь Танюшу, застенчивую девушку с грустными, как осенний пейзаж, глазами.

Когда гостья осталась наедине с Журиным, она сказала:

— Я нахожусь в затруднительном положении. Нуждаюсь в помощи!

— Материально ничем помочь не могу. У меня самого наблюдаются кризисные явления,— поспешил ответить Журин.— В городе резко снизилась преступность, адвокаты мало загружены!

— Я не прошу денег. Мне нужен добрый совет. Дело в том, что моя дочь хочет выйти замуж...

— Жених у вас имеется? — спросил Журин.

— Имеется. Живет в Московской области.

— Прекрасно,— сказал Журин.— Мой совет — действуйте в темпе. Женихи, как шабашники, народ ненадежный. Иногда дают задний ход. Идите за фатой в магазин новобрачных и заказывайте такси с золотыми кольцами по бортам.

— С фатой придется повременить, я не убеждена, что жених тот, кто нам нужен...

— Жених молодой? — начал допрос Журин.

— Они ровесники...

— Ровесники,— ухмыльнулся Журин.— Ровесник, понятно, потребует компенсацию за потерянную холостяцкую свободу.

— Он ничего не требует.

— А знаете, это тоже настораживает,— сказал Журин.— Что-то у него на уме. Невеста, как сапер, не должна ошибаться... Недавно на бракоразводном процессе мне пришлось отстаивать интересы одной дамы. Она скоропалительно вышла замуж и поехала с супругом отдыхать в Сухуми. По дороге блицмуж начал пить. На полустанках он пил портвейн, на узловых станциях — зубровку, в городах областного значения — коньяк. «Во всем нужна научная система,—объяснял он, отмечая в расписании пункты следования,— благодаря этой стройной системе я приеду в Сухуми трезвый, как младенец». Но в Сухуми он потерял жену и затеял драку с носильщиком, обвинив его в похищении супруги. Дело кончилось тем, что весь месяц она носила ему передачи.

— Вот видите, надо быть очень осторожной,— сказала гостья.

— Осторожность никогда не мешает,— кивнул Журин,— но и перегибать палку не следует. Таня не кинозвезда и не чемпионка по фигурному катанию, так что особенно привередничать не следует. Жалко, что у нас нет электронных свах,— продолжал он.— Представьте, Танечка вкратце обрисовывает свахе свой идеал, машина роется в электронной памяти и через секунду сообщает, что желаемый объект — блондин, 26 лет, рост 180, выпускник Института международных отношений, читает в подлиннике Агату Кристи, живет на улице Красных Зорь в Ленинграде!

Тетя из Бугульмы пыталась вникнуть в смысл предложения просвещенного родственника и не смогла.

— Но обойдемся без электроники,— сказал Журин.— Позовем молодца к нам и быстро определим его моральные и прочие параметры...

Таня отказалась пригласить жениха.

— Я принципиально против смотрин,— сказала она.

— Деточка, какие смотрины! Нам просто хочется познакомиться с твоим будущим мужем. Что может быть естественнее такого желания?

Жених Тани, высокий, тощий молодой человек, носил очки с такими толстенными стеклами, что за ними и глаз не было видно. И еще он носил старые джинсы с тигром над задним карманом, у тигра от стирки совсем стерлись лапы, так что казалось, будто он ползет на брюхе. Журин не стал чикаться с женихом, он сказал:

— Выходит, молодой человек, мы скоро породнимся?

— Не знаю,— покраснел жених.

— Зато я знаю,— рассмеялся Журин.— Получил информацию из первых уст. Вы где трудитесь, Дима?

— В библиотеке.

— Похвально. Несете культуру в массы. А как в смысле перспектив? Надеюсь, вы не дали слово министру культуры всю жизнь выдавать книги сопливым школьникам, старым девам и пенсионерам?

— Слово не давал, но и не собираюсь менять профессию.

— Понимаю. Нацелились писать диссертацию на тему «Учет невозвращенных книг и меры общественного воздействия на расхитителей библфонда».

— Никогда не собирался писать диссертацию,— ответил Дима.

— Прекрасно. Значит, диссертация побоку. Тогда объясните, молодой человек, на какие доходы вы намерены содержать семью?

— А почему это вас интересует? — спросил жених Дима, и за толстыми стеклами очков у него задергались веки.

— Танюша — моя любимая родственница, и мне далеко не безразлично ее материальное благополучие.

— Любимая? Вы впервые увидели меня три дня назад! — сказала Таня.

— Любовь, в том числе и родственная, может вспыхнуть с первого взгляда,— ответил Журин.— Так как вы намерены жить? Предположим, вы поженитесь, появятся дети, одному надо купить ботинки, другому велосипед, жена захочет сшить макси-пальто и лечить зубы в хозрасчетной поликлинике. С вашей зарплатой не обернешься...

— Придется желания приспосабливать к возможностям, потребности — к зарплате...

— Выгодная теория для людей без перспектив!

— Матвей Кузьмич, что вы говорите! — воскликнула Таня.

— Извините, я пойду,— сказал Дима.

— Боитесь правды? Прячете голову в песок!

— Откровенно говоря, мне не нравится нравственная тональность нашей беседы,— сказал Дима.

— Такой вы музыкальный? Разговоры о деньгах вам режут слух. А вы знаете притчу о белой птице? Той самой птице, которая кувыркается в синем небе и не садится на землю, чтобы не запачкать белоснежные крылья?

— Дима, извини,— взмолилась Таня,— я не предполагала, что разговор примет такой откровенно неприличный характер!

— Обратите внимание на этот тон,— сказал задетый за живое Журин.— Можно подумать, что она прибыла не из Бугульмы, а из родового поместья в Во-ле-Виконт!

— Какой Во-ле-Виконт? Что вы чушь мелете! — не выдержал Дима.

— А вы не кричите, здесь не пивной бар с подачей плавленых сырков! Нет, как это вам нравится? Приходит жених и с места в карьер начинает хамить. Впрочем, я его не обвиняю. Кто учит нашу молодежь вежливому обращению с родственниками невесты? Кто учит их деликатно просить руку и сердце у любимой девушки? Комсомол? Профсоюз? Вуз? Что мы делаем для популяризации свадебных обрядов? — Журина понесло, и он уже не мог остановиться.— В каком магазине, скажем, продаются рушники для сватов, спецкараваи, солонки для хлеб-соли и прочие предметы первой предсвадебной необходимости?

Дима пошел к двери.

— Я с тобой! — крикнула Таня.

Они вышли вместе. Тетя Леля разрыдалась. Таня не появлялась весь день. Не пришла она и ночью. Лишь спустя сутки, когда Журины сели обедать, раздался телефонный звонок. Таня просила прислать ее вещи и сообщила, что направляется с Димой в загс. Родственница Леля повесила трубку, вытерла слезы и сказала:

— Я пойду к ним... Даст бог, больше не свидимся.

Журин отложил ложку и сказал:

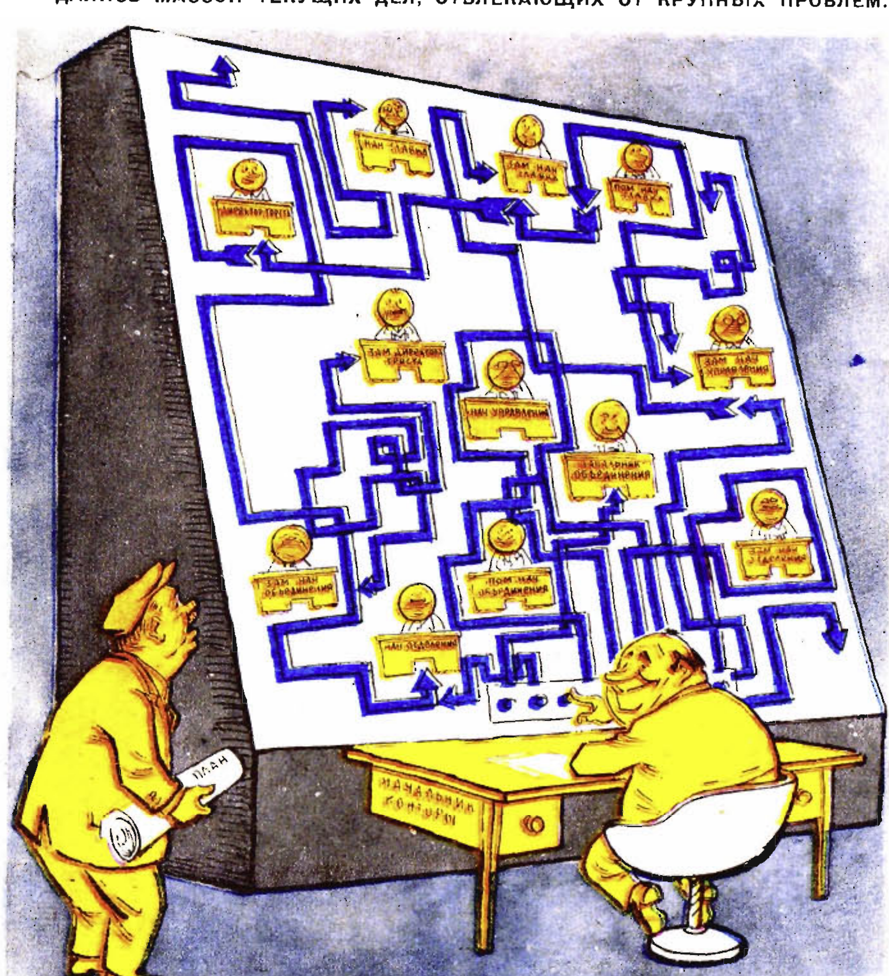
— Что же получается? Живешь без забот, и вдруг, как тайфун, как цунами, сваливается на голову родственница из автономной республики, и все идет кувырком. Делаешь людям добро, а они тебя физиономией о стол!

Журин закатил глаза, как король Лир в одноименной картине, и начал есть борщ.

XXIV

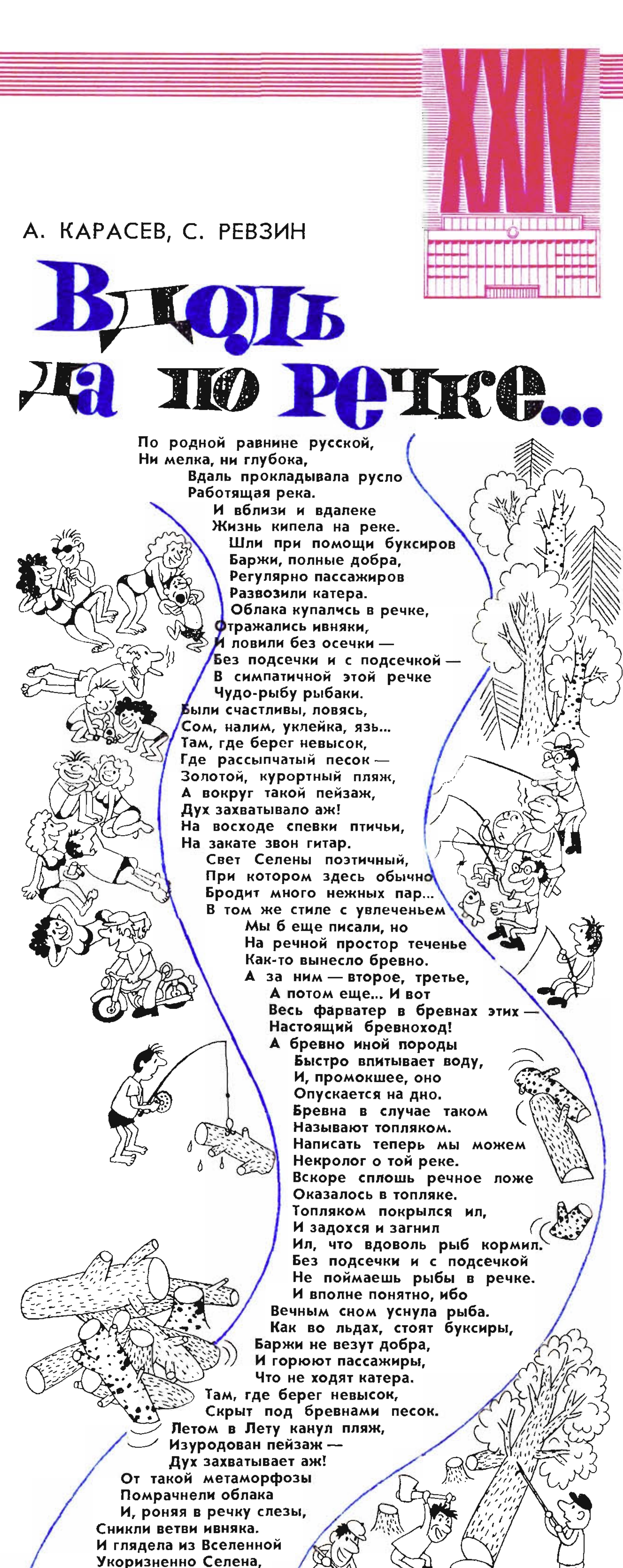
НАВЫЛЕТ! Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

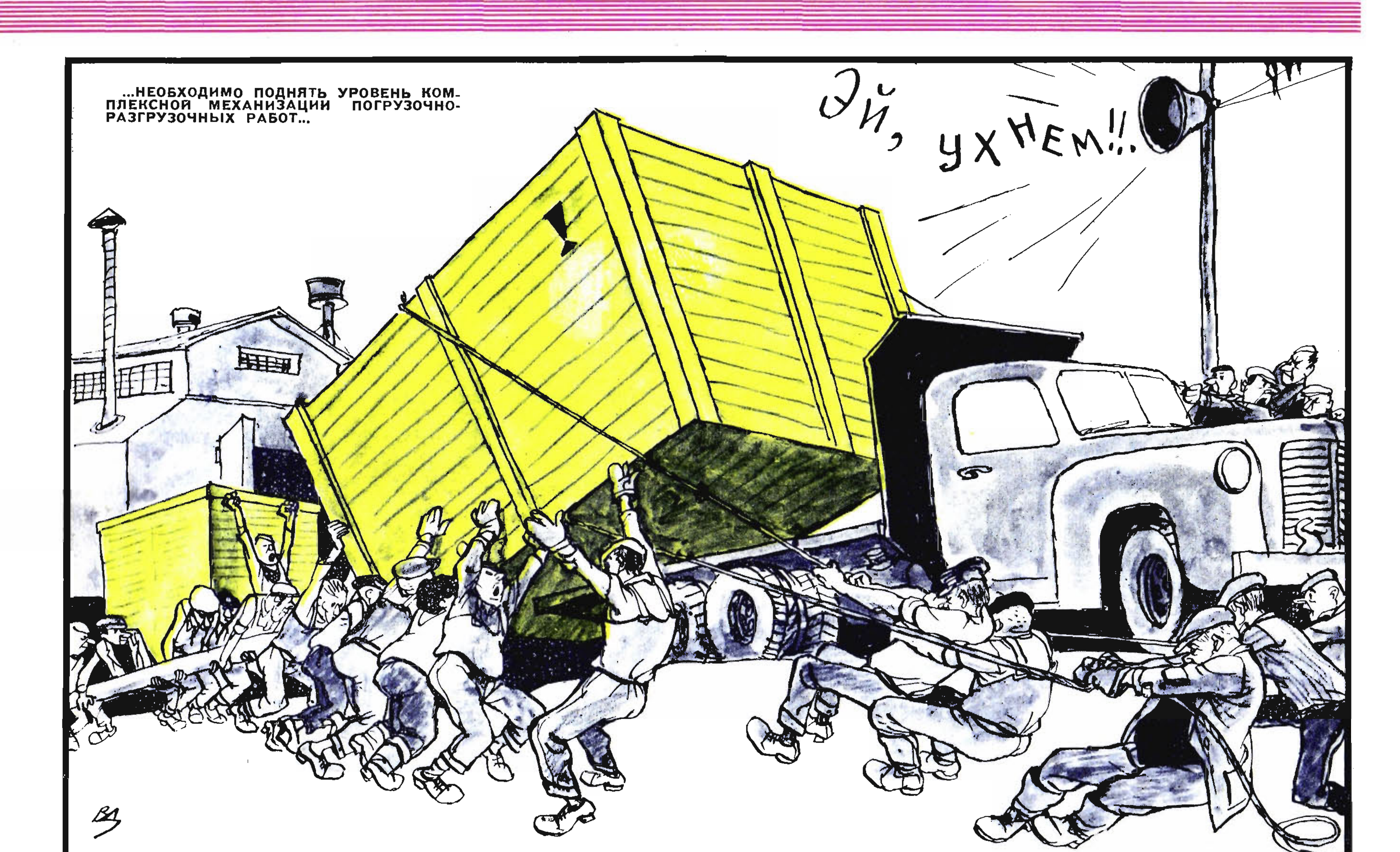
Пульт инстанционного управления. Рисунок М. АБРАМОВА

А. КАРАСЕВ, С. РЕВЗИН

Вдоль да по речке...

По родной равнине русской,
Ни мелка, ни глубока,
Вдаль прокладывала русло
Работящая река.
И вблизи и вдалеке
Жизнь кипела на реке.
Шли при помощи буксиров
Баржи, полные добра,
Регулярно пассажиров
Развозили катера.
Облака купались в речке,
Отражались ивняки,
И ловили без осечки —
Без подсечки и с подсечкой —
В симпатичной этой речке
Чудо-рыбу рыбаки.
Были счастливы, ловясь,
Сом, налим, уклейка, язь...
Там, где берег невысок,
Где рассыпчатый песок —
Золотой, курортный пляж,
А вокруг такой пейзаж,
Дух захватывало аж!
На восходе спевки птичьи,
На закате звон гитар.
Свет Селены поэтичный,
При котором здесь обычно
Бродит много нежных пар...
В том же стиле с увлеченьем
Мы б еще писали, но
На речной простор теченье
Как-то вынесло бревно.
А за ним — второе, третье,
А потом еще... И вот
Весь фарватер в бревнах этих —
Настоящий бревноход!
А бревно иной породы
Быстро впитывает воду,
И, промокшее, оно
Опускается на дно.
Бревна в случае таком
Называют топляком.
Написать теперь мы можем
Некролог о той реке.
Вскоре сплошь речное ложе
Оказалось в топляке.
Топляком покрылся ил,
И задохся и загнил
Ил, что вдоволь рыб кормил.
Без подсечки и с подсечкой
Не поймаешь рыбы в речке.
И вполне понятно, ибо
Вечным сном уснула рыба.
Как во льдах, стоят буксиры,
Баржи не везут добра,
И горюют пассажиры,
Что не ходят катера.
Там, где берег невысок,
Скрыт под бревнами песок.
Летом в Лету канул пляж,
Изуродован пейзаж —
Дух захватывает аж!
От такой метаморфозы
Помрачнели облака
И, роняя в речку слезы,
Сникли ветви ивняка.
И глядела из Вселенной
Укоризненно Селена,
Понимая, что хаос
И разгром такого рода
Учинила не природа,
А ближайший леспромхоз.
И выходит, как ни грустно,
Став приютом топляка,
Зря прокладывала русло
По родной равнине русской
Работящая река.

— Опять по заявке нашего бригадира передают Шаляпина... Рисунок Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО

Э. ПОЛЯНСКИЙ,
специальный корреспондент
Крокодила

ЭКЗОТИЧЕСКАЯ КОРОВА

Все-таки много примечательных существ обитает на земле. Взять хотя бы корову — чрезвычайно экзотическое животное. Мы, конечно, привыкли к ее облику и экзотичности не замечаем. Но отбросьте привычку и взгляните на корову свежим взглядом. Клянусь, вы поразитесь увиденным. Корова покажется вам куда оригинальнее какой-нибудь африканской диковинки.

В городе Шуе часть окраинных жителей имеет коров. Другие держат злых сиамских кошек, самоуверенных пуделей, а эти — коров. Коровы привлекают их своим добродушием, спокойной величавостью, гордой осанкой. Ну и попутно привлекают их молокопродукты. А также нравится им сдавать мясо государству. Либо продавать его на рынке. Не без того.

Но только самым мужественным горожанам под силу такое хобби. Поскольку корова не шифоньер. Ее не поставишь в горницу как недвижимое имущество. Она движется и мычит, желая заполнить пустоту в желудке. А желудок у нее как раз шифоньерной емкости. В одиночку не загрузишь.

Загружают, сплачиваясь в товарищества животноводов. В коллективах сподручнее защищать коровьи интересы. Хотя и с некоторыми трудностями.

Скажем, корова не прочь пожевать комбикорм, который с большими перебоями продает магазин № 40. Вообще-то данный магазин торгует овощами, а уж комбикорм ему попутно навязали. Дрянной это товар для торговли, выручка мизерная, а возни много. Ну и неохотно берутся за него. То, говорят, нечем завезти. То продавец отсутствует.

Отчего ажиотаж получается. Короводержатели с четырех утра выстраиваются в длинную очередь. Как за холодильником или мебельным гарнитуром. Но все равно многим не хватает. Так как завозят по одной машине в день.

А завод комбикормов, кстати, в городе находится. Всего-то и делов — поставить рядом с ним сараюшку. И никакой транспорт не нужен. Торгуй на радость населению. Так нет, создают ажиотаж.

А ближе к лету встают пастбищные вопросы: кто будет пасти? где будет пасти? как будет пасти?

Всем обществом рядят пастуха. Пастушечьи кадры, как правило, пополняют истопники. В большинстве — пьющие. С непьющими почему-то заминка выходит. Не откликаются они на объявления. Может, не на столбах и колодцах надо вывешивать, а пропускать через местную газету. Да накладно выходит. Пусть что-нибудь другое печатают. Пусть пишут о пользе индивидуального короводержания. О необходимости заинтересовать население.

Деньги же и так текут между пальцев. Пастуху за сезон по восемьдесят рубликов с коровы отдай. Если он оформлен через комбинат бытового обслуживания, восполняй ему налогоотчисления. За прогон под выпас, за покос заплати. Быка содержи. А он за месяц, проклятущий, сто кило кормов переводит. За охрану быка тоже платить полагается.

Да мало ли чего! Так недолго и пожертвовать своим хобби. И многие жертвуют: кто молодняк сдает, кто вообще разочаровывается в короводержании. Не без того.

В товариществах остаются наиболее испытанные любители крупного рогатого скота.

И когда с их миниатюрных пастбищ сходит снег, они дружно очищают участки от мусора и дохлых кошек.

Прямо скажем, незавидные отрезки земли. Болотина, ямы, вытоптанный лесок — вот удел частной коровы.

Но и на это покушаются.

В Дубковском товариществе что получилось?

Два года назад отвел ему горсовет пять га. Не безвозмездно, а за двести пятьдесят рублей. Один год покосили, а на второй козники с претензиями объявились. И самовольно по всему участку навязали свою блеющую собственность. Штук двенадцать навязали. Пригнал пастух коровье стадо, и одна рассерженная корова в сердцах отшвырнула чью-то несчастную козу. Разгорелся конфликт. Горсовет предложил Дубковскому товариществу принять козников в свои ряды.

Но не учли одного обстоятельства. Пять га, которыми горсовет облагодетельствовал дубковских коров, использовались товариществом в основном для заготовки сена. Пасутся же его коровы на земле лесхоза. В леске то есть. На что имеется специальный билет. Воссоединись они с козниками, билет лесничество изымет. Ибо пусти козу в лес, она всю кору обглодает. Оттого и не воссоединились.

Не вникнув, горсовет запретил дубковцам покос на злополучных пяти гектарах. Добрых пятьсот пудов сена осталось под снегом.

В корм пошли хлеб и картофель.

И что любопытно. Захотел председатель общества, старичок энтузиаст Алексей Петрович Блинов пожаловаться в область. И не смог. Не нашлось в области организации или хотя бы лица, непосредственно ведающих делами товариществ.

Лучше других по частному скоту осведомлен заместитель председателя облисполкома Сергей Иванович Гришин. Но спросите у него, сколько в Ивановской области товариществ, и он надолго задумается.

И наконец осторожно ответит:

— Некоторое количество имеется. Не без того.

Ивановская область

Ю. ФЕДОРОВ

ВЕСЕННИЕ ДЕНЬКИ...

Подарок к сессии.

Цветы, цветы...

Счастливый брак.

Охота с фотоаппаратом.

— Вспомним молодость! Послушаем соловья при луне...

А. ГОЛУБ, специальный корреспондент Крокодила

Ласточка на микропорке

Первая весенняя ласточка прилетела в Зарайск еще в феврале. Она была заключена в объемистый фанерный ящик, обшитый бязью, перевязанный шпагатом и залепленный по углам сургучными печатями. Сделанная химическим карандашом надпись гласила:

«Получатель: гор. Зарайск,
Московской области.
Обувная фабрика.
Отправитель: Москва, ГУМ».

У руководителей Зарайской обувной фабрики радостно защемило сердце. Получить посылочку из Москвы было очень приятно. Тем более от крупнейшего универмага столицы.

Посылку доставили в директорский кабинет и торжественно установили на письменном столе.

— Что в ней может быть? — взволнованно переговаривались представители администрации.— Наверное, галстуки последнего фасона? А может быть, каждому по штапельной пижаме какой-нибудь особой расцветки?

— Давайте не будем гадать на кофейной гуще,— деловито сказал директор, вооружаясь ножницами и клещами.

Руководитель предприятия вскрыл матерчатую обшивку, поддел клещами крышку ящика и вывалил на стол ворох мужских и дамских башмаков на микропористой подошве.

Лица присутствующих разочарованно вытянулись. Обувь была вся сморщенная, выцветшая и вообще производила такое впечатление, будто продолжительное время валялась на пыльном чердаке. Мужские ботинки были разной высоты, с отвислыми задниками. Остроносые дамские туфли на кособоком резиновом каблуке напоминали голову африканской кобры.

Руководители обувной фабрики опознали происхождение содержимого посылки с первого взгляда. Сногсшибательные мужские и дамские башмаки были изготовлены в цехах подведомственного им предприятия.

Такова была первая ласточка, за которой последовали вторая, третья и так далее... Посылки с непригодными башмаками слали в Зарайск Измайловский универмаг, магазин у Речного вокзала, магазин «Мособуви», расположенный у станции метро «Новослободская», и многие другие.

Обшитые бязью ящики больше не носили в директорский кабинет. Прямо из проходной посылки отправляли на склад. А поскольку фабричные хранилища и без того были до отказа забиты неходовой продукцией, кладовщики могли проникнуть на свои рабочие места разве что через крышу.

Казалось бы, все ясно: Зарайская обувная фабрика разучилась делать башмаки. Но при всем при том в производственной деятельности предприятия наблюдалась поразительная странность, на которую не мог не обратить внимания городской комитет народного контроля. В то время, как только за два месяца этого года магазины Москвы перевели в низшие сорта или возвратили почти десять тысяч пар обуви, фабрика успешно выполняла и даже перевыполняла планы не только по количеству, но и по качеству.

Представители народного контроля много дней провели на фабрике и пришли к выводу: фабрика снизила требовательность к качеству продукции потому, что ее не особенно тревожат вкусы московских покупательниц. По мере того, как пригревает солнышко и выходят из моды валенки, зарайские туфельки, напоминающие голову африканской кобры, находят потребителей на далекой периферии.

Администрации фабрики зачастую недосуг бывает вплотную заниматься вопросами производства, потому что львиную долю своей энергии она расходует на тяжбу с поставщиком кожтоваров — Рязанским кожевенным заводом. Из кожи, которую шлют рязанцы, порой не сошьешь не только модельных дамских туфель, но и пастушьих постолов.

На фабрике трудятся не такие уж бездушные люди. Иногда им хочется сделать своей клиентуре что-нибудь приятное. Но, к сожалению, их благие порывы не всегда находят понимание в Министерстве легкой промышленности РСФСР.

К нынешнему весенне-летнему сезону, например, работники фабрики вознамерились выпустить туфли-«танкетки». И даже выхлопотали у заместителя начальника главка, именуемого кратко и выразительно «Росглавлегснабсбытсырье», Н. М. Поливанова наряд на свиной хром Богородского кожзавода. Но не успели на обувной фабрике дочитать официальное извещение до конца, как почтальон принес другую бумагу, подписанную тем же Н. М. Поливановым. Заместитель начальника главка уведомлял, что выданный им ранее наряд аннулирован и свиной хром надлежит получить не с Богородского, а с Ульяновского, Вознесенского и Московского кожзавода имени Тельмана.

«А нам хоть с какого, нам все равно»,— согласились зарайцы, но тут же узнали, что наряды на эти три завода Н. М. Поливанов тоже аннулировал и вместо свиного хрома выделил им подкладку, которую надлежит получить на Рассказовском кожзаводе.

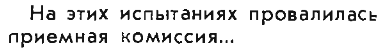
...Из всех исцеляющих мер, с помощью которых можно добиться резкого улучшения качества обуви, Минлегпром избрал одну — снять с производства злополучные дамские туфельки и вместо них шить сапожки из японского лака. Лаковые дамские сапожки — это, конечно, очень хорошая штука. Но почему решили, что в Зарайске сумеют шить сапожки, да к тому же еще лаковые, если там никак не справятся с обыкновенными дамскими туфлями на резиновом каблуке?

г. Зарайск,
Московская область

ИДУТ ЭКЗАМЕНЫ

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

На этих испытаниях провалилась приемная комиссия...

Директор парка пользовался шпаргалками...

А завскладом списывал...

ПОДРАЖАНИЯ

Э. ГАЙ, Б. ГАНИН

Расул ГАМЗАТОВ

НАДПИСЬ НА ПОСЛЕДНЕЙ СОСУЛЬКЕ

Она падет на голову тому,
Кто равнодушен к дару
моему.
А потому — коль провисит
все лето,
Меня не удивит ни капли это.

Новелла МАТВЕЕВА

ПЕСНЯ СОЧИНИТЕЛЯ ПЕСЕН

Как только придет весна,
Я поведу вас на
Странное представленье —
Коктейль из яви и сна.

Махну я веселым веслом,
Коротким, как слово «слон»,—
И станет ваша солидность
Бессмысленным ремеслом.

Всех — с бородой и без —
В ребра ударит бес.
Весне вы отдайте сердце,
Хоть сердец у вас в обрез.

А если кто не готов
Слушать капéль и котов,
Не готовы — ну и не надо
Мне таких глухих кротов.

Кликну кораблик мой
С мокрой кормой, с каймой,
С русыми парусами.
Удалюсь на нем домой.

Да, удалюсь от вас,
От форса фраз и от ваз.
Уплыву по весенним лужам,
Отвернув от вас фас.

Лев ОШАНИН

РОМАН В ПЕСНЯХ «У НАС И У ВАС»

ПЕСНЬ 43-я «МЕЖДУ НАМИ»

Я иду по двору
В однобортном жакете.
Улыбаюсь весне
И в авоське буханку несу.
А еще я несу
Две селедки в газете
И гляжу на тебя,
Все гляжу, ковыряя в носу.
Ничего в тебе нет,
Потому каждый вечер
Я гуляю с тобой
И целуюсь с тобой
на мосту.
Нет в тебе ничего,
Если что-то замечу,
Сразу стану тебя
С той поры обходить
за версту.

АПРЕЛЬ, КАПЕЛЬ И ПОЭТИЧЕСКАЯ ТРЕЛЬ

Валентин МАРЬИНСКИЙ

Леонид МАРТЫНОВ

Замечали:
По городу ходит весна!
Отмечали:
По городу ходит весна!
Небеса разрисованы, как акварелью,
Шар земной утонул,
как младенец в купели.
Все влюбленные — до одного! —
поглупели,
Пахнет солнцем, травою,
лирической трелью,
Талым снегом и смехом,
капелью и прелью —
И всем тем,
Чем положено пахнуть апрелю.
То весна — в двух шагах,
То она — в отдаленье,
Кто-то, встретив подснежник,
застыл в удивленье,
Кто-то выпил,
Кого-то ведут в отделенье,
Тот снимает пальто,
Тот лишается сна.
Замечали:
По городу ходит весна!

Кайсын КУЛИЕВ

Вновь глаза твои карие
Полюбил я весной.
Кабарда и Балкария,
Вы в капели сплошной.
Без весны — не сумею,
Как без гор, никогда,
Даже коль поседею,
Как Эльбрус-тамада!

Степан ЩИПАЧЕВ

Твои, весна, перебирая даты,
Я не могу представить одного:
Что в колыбели я лежал когда-то
И про капель не ведал ничего.
А как приятно, коль стекает змейкой
За воротник водичка по весне.
Любимая, не покидай скамейку:
Ты, мокрая, вдвойне дороже мне.

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

La Весна!
Ты на приступ идешь санкюлотом.
Ты капелью поешь,
точно властным фаготом.
Как Бастилию, землю берешь.
И паяцем
Виртуозно танцуешь, ведя карусель.
Я jamais... не устану, друзья, удивляться,
Что в Париже и Лондоне — тоже апрель.

Евгений ВИНОКУРОВ

Армия. Уставы. Часовые.
Первые пропели петухи.
Я весенней полночью впервые
В карауле написал стихи.
Что капель!.. Все изменилось в мире.
За стеною, различая шум,
В новой, комфортабельной квартире
Философски про апрель пишу.
Было: дрог и мок (ефрейтор Колька
Подтвердит). Отныне в глубину,
А не вширь копаю я,
поскольку
Наблюдаю из окна весну.

Константин ВАНШЕНКИН

Я люблю тебя, март,
Предан сердцем сиянью апреля.
В стихотворный азарт
Прихожу я от звона капели.
Май, скорей приходи,
Я тебя до конца принимаю:
Первомай впереди,
Ну, а там — и девятое мая.
А июнь промелькнет —
Тут, июль к нам и август, пожалуй!..
Недалек новый год —
Все опять повторится сначала.

XXIV

…СЛЕДУЕТ СОЗДАТЬ УСЛОВИЯ, ЧТОБЫ ПЕНСИОНЕРЫ, ДОМОХОЗЯЙКИ, ИНВАЛИДЫ — ЛИБО НА ДОМУ, В ИНДИВИДУАЛЬНОМ ПОРЯДКЕ, ЛИБО ОБЪЕДИНЯЯСЬ В КООПЕРАТИВЫ, МОГЛИ БЫ ПОРАБОТАТЬ В СФЕРЕ ОБСЛУЖИВАНИЯ…

А. МОРАЛЕВИЧ,
специальный корреспондент Крокодила

ПЕНСИОНЕР ИЗ ТОРЖКА

Как ни странно, но про пенсионеров, хотя их и миллионы, мало что известно. Правда, в отделах сатиры некоторых печатных органов можно по крупицам собрать информацию: желчные старички в мятых брюках, идеологи домино, оккупируют лавочки скверов с утра до ночи, вытесняя влюбленных на подоконники лестничных клеток.

И еще кое-что вроде того. И нет изысканий в рамках строго здравого смысла.

Одновременно случилось, что плохо и хлопотно стало: чете Воскобоев из Магадана, гурманам в Тарту, туристам в Бухаре, Душанбе и Ташкенте, музыкальному театру в Москве, обитателям Торжка и другим людям и организациям. Им стало плохо, всеми фибрами они ощутили трагизм. У них был пенсионер. Они упирались в пенсионера. Спасителя. Облегчающего жизнь. Как вдруг пенсионер не пришел, ибо ему не дали прийти. Ушел, ибо его понудили.

Жизнь лучшает, и райздравы не водят нас за нос. Старшее поколение граждан страны — нынешние пенсионеры — в основном здоровьем твердо. Точек приложения требует эта энергия.

И ночами, когда молодость храпит так, что от этого хочется бежать на другую планету, пенсионер кумекает и не спит.

Он размышляет: чем бы полезным заняться? Дети выросли, покинули кров, на окраинах страны воздвигают что-то громадное. У детей все время предпусковой период, и не то что стоит вопрос об отлучении от родителей внуков — вообще нет вопроса о внуках, на этот счет даль туманна.

В то же время сквер — очень нудно. Сколько можно сходиться в сквере, обсуждая сведения с Шелони и Ловати о большом жоре окуня?

— Хватит! — говорит пенсионер.— Работать иди, а то вот заржавеешь кровью.

И в отличие от чеховских трех сестер идет, не остается пустым источником звука.

Так в Магадане открывается частный пансион на четыре персонки, плата умеренная. Игорек Воскобой включен в пансион, еще трех детей приводят другие родители, а смотрит за ними преклонная дама, не пожалевшая трудов. Восемь очень занятых родителей экономили свое личное время: ведь садик обычный был крайне далек.

А женщины-повара, выйдя на пенсию, в Тарту, Душанбе, Самарканде открыли дивные пищеточки, ртов так на тридцать в день. Позагибайте, товарищ, пальцы: какие помнятся вам рестораны? Если и помнятся, то, может быть, те, где вас обсчитали. Тогда как самодеятельно пропитывающий вас кулинар вручал сдачу коп в коп, а уж качество—никогда, никогда не съедите вы больше такого лагмана, шолета, манты. Это сказка, рассказанная желудку и языковым сосочкам.

А женщина-гример в музыкальном театре, выйдя на пенсию, не смогла уйти до конца. Легкое ли дело — актеров-славян, искони блондинов, трансформировать в чернявых, когда театр дает что-либо грандиозно-испанское?

— Мы просим,— сказала администрация,— чтобы вы нам не отказывали. Когда репертуар дается классический, будем вас подзывать на помощь.

Как было тут отказать? В месяц пять раз вызывалась, гримировала.

Ныне нет пищеточек: закрылись. Родители Воскобои водят сына в далекий детсад. Белобрысый актер сам пятнает лицо морилкой и в косо прилепленных усах выбегает на публику.

Почему это так? Ведь пенсионер был исполнен желания приработать, принести посильную пользу.

Во всем виноват сорт особых людей. Допустим, торжковский столяр, девяностосемилетний Павел Ильич Семенов трудится летний сезон в бюро добрых услуг. Он зарабатывает на добрых услугах, покупает правнуку гоночный велосипед и другие вещи в семью.

Пищевая чародейка-старушка, заработав деньги кормлением масс, ввозит в дом мебельный гарнитур «Тюльпан».

Хозяйка детского пансиончика в солнечном Магадане зарабатывает деньги на переезд в солнечный Мариуполь.

И т. д. Это легально, не таясь от людей. И тут в окно, через забор, в дверь просовывается некая двуокись лица.

— С обновкой вас, Наталья Владимировна! — сипит лицо, свиваясь в жгут от зависти.

Это—мерзостное лицо. Если данное лицо купается в речке, то в месте его купания и вниз по течению на два месяца перестает клевать рыба. Само данное лицо работать не хочет, оно любит расслабленность мышц. Но когда лицо видит прирост соседских благосостояний за счет труда, его дергает, как присоленную лягушачью лапку. Сразу берется бумага, чернила, говорится фраза:

— Я, положим, не голубь, но и вы не птицы! — Потом моментальное глядение в потолок и рождение документа:

«Уважаемые товарищи из Комитета! В нашем доме свил гнездо, окопавшись…»

Слово ЧАСТНИК выписывается при этом нажимно, печатными буквами и толстым красным карандашом.

«Пенсионер Кириллин давно является язвой общества. Используя алкогольные связи, ходит объектом на конкурсы парикмахеров, стрижась бесплатно и загребая еще деньгу. Пора прижать зарвавшегося марионетку (вечно разит перегаром)».

«ЗАГРЕБУЩИЙ СВЕРЧОК

Товарищи из ГОРФО! Вы там сидите, а на Открытом шоссе в строении семь процветает ЧАСТНЫЙ САЛОН. День и ночь стрекочет импортная высокопроизводительная машинка «Кёлер». Мусоропровод постоянно засоряется выкройками. Клиентура пенсионерки Луцак шастает туда-сюда, что в лифтах не протолкаться».

«За что боролись? (В милицию.) Два года как сварганил котеж на ул. Закоперщиков переселенец с северов горняк-пенсионер Свиридов, а видели бы вы этого пенсионера, на роже здоровье разлито, как клюква, плечи держит двускатной крышей, страшно и подступиться. Увезя с северов мошну, продолжает рвать длинный рупь, стеклит окна граждан, делает в продажу дощатые лодки, но где берет пиловочник и вагонку с фанэрой, не иначе имеет связь с предприятиями, и там воровство. Когда будет управа на частника, если он заполярный горняк и добывальщик, так ему и все можно?»

Много поносных писем приходит в кропотливые наши инстанции. И бредет комиссия выяснять, а то и внезапно наскочат с глубокой проверкой. Ибо сильна магия слова «частник».

Словом, приходит комиссия к полезному человеку-пенсионеру, заглядывает под кровать, на чердак, задает массу нескромных вопросов: вдруг таит он доходы, вдруг зажилил налог?

Хотя никто уж не жилит налог, ни к чему. Семь тысяч пенсионеров в городе Торжке, они плетут корзины, венки, шьют и тачают обувь, вяжут авоськи, кружева, золотошвейничают, ладят мебель и скобяные товары — причем все легально, с выправлением регистрационных удостоверений в горфо. Ведь была прежде годичная сумма допустимых доходов —300 рублей. Приработал больше — плати налог. Теперь правительство расширило пенсионерам возможности: 700 рублей в год — и никакого налога.

Но затурканный проверками пенсионер откладывает инструмент, вытирает руки, изумляясь: для чего мне все это? Делать благо и подозреваться, как какой-нибудь элемент? Да ко псам это все!

И снова стоит компанийка в сквере.

— А вот слышали вы: на Шелони… Грустно.

Но не все капитулянты, есть таранного типа бойцы. Боец надевает небудничный костюм и идет доказать.

— Да полно уж, Степа! — просит жена.— Ну их совсем, эти приработки. Вполне достаточная вышла нам пенсия.

— Не согласен я,— говорит Степа.— Раз я могу людям мебель освежать, так чего же не освежать? Пусть пути мне откроют, я бы с напарником… Пойду в горкомхоз, не протез же у них головной, должны понимать.

— Гляди,— участливо говорит жена, обирая с мужа пушинки,— чтоб черная «Волга» дорогу не перебежала.

Так идут преклонные Степаны Кондратьевичи, Корнеи Андреевичи по инстанциям и доказывают очевидное.

— Ну,— говорят они,— не интересно разве? Есть такое явление—часы «пик», перегрузка транспорта, толчея в магазинах. Ведь можно избавиться! Положим, сделать кооперативную контору с обслугой из пенсионеров. Вы туда заявку и деньги, что хотите купить, а сами на службу. Со службы пришли, ан товар уже дома, ширпотреб или пищепродукт. И не надо, вываливши язык, после службы по магазинам гонять, мять фигуру. Пенсионер — он днем вам все купит, когда простор в магазине.

Пенсионер — он все может. В селение Юмурчен два старика на сезон приехали, диких зайцев нанялись заготавливать. Они знаете сколько за зиму заготовили? 1 160! У них лошадь запарилась мясо возить, а шкурки — тюками! Надо условия, чтобы в хозяйствах нас принимали путево, мы бы столько пушнины свернули…

В рай- и горисполкомы, в райкомы, горкомы идет боевитый преклонный товарищ.

— Городская жизнь,— указывает он перстом за окно кабинета,— там работы край непочатый. Собраться артелькой — окна можно мыть по заявкам, тереть полы. Домов строят, гляди, миллионы. А что в домах? Непредусмотренность видит там гражданин. Линолеум надо на пол балконный стелить, антресоли воздвигнуть, стенные шкафы, кое-где перекрасить. Ну-ка, если малую кооперацию мы развернем?

— А матерьял почерпнете откуда? — тоскует должностное лицо.

Материал, надо сказать, теперь не проблема. Есть приличный ассортимент в магазинах. Есть свалки больших предприятий, только открыть к ним доступ, и из тех некондиций умельцы сделают для нашего быта все, что угодно.

Но закрыты свалки, густой дым поднимается над пустырем, и на обочине дыма строго стоит человек. Здесь торжокский полиграфкомбинат под присмотром бухгалтера уничтожает некондиционную краску, а нет бы продать ее населению.

— М-да,— говорит обобщенное должностное лицо.— Очевидна полезность ваших предложений, но кто разработает статуты? В облцентре—и там нет пенсионной артельности. Подождемте, товарищ. Возникнут, может быть, установки.

— Что,— спрашивает дома жена ходока,— как дело-то, Степа?

— Такое дело,— говорит резонный Степан,— что пробел у меня. Большая есть польза в знании греческого языка. По-гречески обложил бы их там — и скандалу нема и душе б полегчало.

Затем Степан выходит во двор, и сквозь грязные стекла слышен стук домино, будто там, во дворе, вгоняют в землю десятиметровые сваи.

г. Торжок.

…СЛУЧАЛОСЬ И ТАК, ЧТО ЗАЯВКИ НА ТЕ ИЛИ ИНЫЕ ТОВАРЫ НЕОБОСНОВАННО ЗАНИЖАЛИСЬ, ПРОИЗВОДСТВО ИХ СОКРАЩАЛОСЬ И ОНИ СТАНОВИЛИСЬ ОСТРОДЕФИЦИТНЫМИ…

Андрей ВНУКОВ

В РАСЧЕТЕ НА ПРОСЧЕТ

Хозторг один… А нас не счесть,
И всем чего-то нужно.
Хозторгу трудно все учесть…
Возьмем вопрос утюжный.
На утюги заявку дать —
Их выпуск вмиг наладят,
Но если взять да не продать,—
За это не погладят!..
Возможно, их и продадут,
Но все же гложут думы:
«А если в моду вдруг войдут
Измятые костюмы!..
А если резко возрастет
Процент услуг утюжных
И каждый в ателье снесет
Свое белье утюжить!..
А если ни один супруг
Отныне ни в какую
Не станет запускать утюг
В супругу дорогую!..
А вдруг в ремонтной мастерской
Утюг, как новый, станет
И в ситуации такой
Кто в магазин заглянет!..
Послать заказ! На сколько штук!
Решиться! Не решиться!
А если вдруг один утюг
На полке залежится!
Вот так… останется утюг…
А я останусь в кресле!!»
Растет пустых сомнений круг:
Сто «может статься»… Двести «вдруг»,
Четыреста «а если…».
И чтоб не просчитаться вдруг,
На утюги заявку
Хозторг не дал…
Вот так утюг
И не пришел к прилавку…

Все изменяется, течет,
Но там, где нет учета,
Порой в расчете на просчет
Проводится работа!

На гражданскую службу.

Рисунок И. СЕМЕНОВА

Рейд Крокодила

Каковы будут всходы?

Мы привыкли к тому, что севом у нас занимаются колхозы и совхозы. Что сеют они зерно и вносят удобрения на поля своих хозяйств.

Между тем в эти весенние дни мы обнаружили на местах некоторые новшества в посевном деле. Например, такие, что удобрения начали высевать на пристанционных площадках.

Посмотрим, как это выглядит на практике. Возьмем, к примеру, Львовскую дорогу.

На станции Козова совхоз имени Мичурина высеял 60 тонн удобрений. Больших трудов это не стоило: просто совхоз оставил эти удобрения невывезенными. Ровно столько же удобрений посеял колхоз имени Горького на станции Ровно.

Таким же образом на станции Ямница посеяно 300 тонн известняка.

Обратите внимание! Опытные посевы на станции Броды! Сев произведен не на складе, не на земле, а непосредственно в десяти вагонах. Это не так уж мало, если учесть, что норма простоя вагонов под выгрузкой — 2 — 3 часа, а эти стоят неделями. Можно ожидать всходов. Видимо, густо взойдут штрафные санкции за перепростой.

На той же Львовской дороге есть станция Мизоч. Здесь осело немного — 60 тонн удобрений. Но зато на какой срок! С 10 марта 1970 года. Можно отмечать первую годовщину.

Годы-Турка. Так называется станция, где колхоз «Прапор коммунизма» 30 сентября прошлого года оставил 30 тонн фосфоритной муки. И теперь сеятели ждут не дождутся: что-то вырастет? А вырасти может все что угодно. От финиковой пальмы до лопуха или бурьяна.

Некоторые сеющие организации усиленно соревнуются — кто больше и кто дольше. Пример можно взять на станции Шахунья, Горьковской дороги. Здешняя площадка обслуживает Шахуньское и Кикнурское отделения «Сельхозтехники». Идут эти славные организации нога в ногу. Первая держит здесь 512 тонн доломитовой, а вторая — 1 485 тонн известковой муки с декабря прошлого года. Видимо, первенство за Кикнурским отделением, если выставлять баллы по количеству посеянного.

Впрочем, на той же Горьковской дороге, на сравнительно небольшой станции Ветлужской краснобаковская «Сельхозтехника» сумела в конце прошлого года посеять 3 тысячи тонн доломитовой муки. Рекорд!

Есть достойные внимания примеры и на Юго-Восточной дороге. На станцию Милославское более года назад прибыло изрядное количество фосфоритной муки. Ею плотно усеяли землю. Так началось испытание этого ценнейшего удобрения на морозо-снего-дожде- и ветроустойчивость. Эксперимент этот дает результаты: ценная мука быстро и уверенно утрачивает свои первозданные качества и приобретает совсем другие — смерзается, тает, развеивается, уносится потоками вешних вод.

Впрочем, эксперимент пришлось перенести в другое место, так как залежи мешали нормальной работе станции. Работники Милославской районной «Сельхозтехники» не упирались — с помощью могучих механизмов передвинули гору на 300 — 400 метров. И все успокоились.

А на станции Дворики уложено насыпью более 400 тонн различных удобрений, принадлежащих совхозу «Новый путь», колхозу имени Свердлова и другим хозяйствам Воловского района, Тульской области.

Мы забыли упомянуть еще об одном виде сева — «шпально-рельсовом». Тут уж лавры принадлежат заводам-поставщикам. К примеру, Кемеровский азотнотуковый завод отправил Таловскому и Нижнедевицкому районным объединениям «Сельхозтехники» Воронежской области аммиачную селитру в полувагонах да еще в порванных мешках. Случается, что продукцию в таре «с просветами» отгружает и Воскресенский комбинат. В таких случаях маршрут удобрений можно легко проследить по шпалам.

За судьбой «шпально-рельсовых» посевов наблюдают лишь путевые обходчики. Сообщений об урожаях от этих скромных тружеников пока не поступало. Больше того, они отзываются об этих экспериментах такими словосочетаниями, которые мы не рискуем приводить на страницах журнала.

Надеемся, этих примеров достаточно, чтобы сделать вывод: в науку о посевах внесено немало новшеств. Другое дело, каковы будут всходы. Не окажутся ли они слишком плачевными?

Рейдовая бригада «Крокодила»:
Л. АЛЕКСАНДРОВА, В. КОМОВ, В. ПОПОВ

Н. МОНАХОВ, специальный корреспондент Крокодила

АХ, ЭТО ТОЛЬКО ЦВЕТОЧКИ!..

МНЕ НЕ ВЕРИТ МИЛИЦИЯ

Первоапрельским утром я сошел с самолета во Внукове и сразу обратил на себя пристальное внимание.

Сержант милиции долго рассматривал мое лицо, словно мысленно сравнивал его с чьим-то портретом. Потом, предварительно, разумеется, откозыряв, спросил тоном человека, которому все известно:

— Что, не удалось, значит, погреться?

— Там погреешься! Все дни дрожал, как цуцик. А почему вы спрашиваете?

— Да потому,— помрачнел милиционер,— что через полчаса я отправляю туда свою жену. Доктора рекомендуют ей солнечные ванны.

— Гм... А я и не знал, что доктора уже начали прописывать москвичам сибирские солнечные ванны,— удивился я.

— Какие еще сибирские? — удивился и сержант.— Вы же прилетели из Сочи.

— Вовсе нет. Я из Омска.

Сержант досадливо поморщился:

— Я вас серьезно спрашиваю, а вы с первоапрельскими шуточками. Уж если решили шутить, то хоть бы улики спрятали.

Он указал на букет гвоздик, которые я держал в руке.

— Так и они из Омска,— простодушно сказал я.

Сержант не поверил. В этот день мне не верила не только милиция. Гвоздики из Сибири, когда там еще гвоздят морозы?

НА ВКУС И ЦВЕТ

Да, дорогой читатель, живущий севернее благодатных черноморских кущей, мы с тобой привыкли считать, что в то время, когда в полях белеет снег или даже когда он тает, цветы — это нонсенс. Или слишком дорогое удовольствие, привозимое знойными мужчинами.

Между тем производство цветов (прошу извинить этот нелирический термин) зависит не столько от капризов природы, сколько от желания человека.

Летом цветники омских скверов, улиц, школ, предприятий по живописности не прочь поспорить с сочинскими. Предприятия имеют свои оранжереи, платят зарплату штатным цветоводам. И за дело платят. Ежегодные выставки цветов (в нынешнем году будет юбилейная — двадцатая) посещает каждый второй омич. Самые тяжеловесные книги отзывов — на этой выставке. Причем, заметьте, наиболее восторженные отзывы оставляют не омичи (им чуток приелось повторяться), а гости города.

Выставки — хорошо. А чем радуют посетителей цветочные магазины? Их в городе три.

Вот группе интеллигентных граждан приглянулась корзиночка с примулами. Кто-то защитил диссертацию. У супружеской четы женится сын. Разумеется, надо взять белые каллы. Без них какая ж свадьба? Молодой человек придирчиво выбирает букет лилий.

Старшеклассник спрашивает сирень. Что ты, мальчик! На улице уже начал таять снег, а оранжерейная сирень бывает только в январе.

Розы? Нет. Загляните в Дом бракосочетания. Может, вам и продадут.

Мы с тобой, дорогой читатель, берем гвоздички. Последние. Продавщица говорит, что нам повезло.

Но могло случиться, что мы обозрели бы пустые полки и вышли с пустыми руками. Причем не только 8 Марта или 1 Мая, но и в будний день. Почему? Будем любознательны, дорогой читатель, и заглянем в экзотические пределы Омского садово-оранжерейного хозяйства. Экзотики там немало. И не только цветочной.

ЦИКЛАМЕНЫ И ЦЫПЛЯТА

Главный агроном хозяйства Н. Д. Башкирцев готов вот-вот пуститься вприсядку. Только стесняется. Великая удача сопутствовала ему сегодня. Он достал 800 килограммов культиватора. С каких пор культиваторы стали измеряться в килограммах? Да всегда так было.

Приходит, скажем, Башкирцев в «Сельхозтехнику».

— Культиватор вам, говорите, нужен? А для чего? Для глоксиний, цинерарий и.., как-как? Для аспарагусов? Это что ж, сорта огурцов, что ли? Ах, это только цветочки! Нет, уважаемый, культиватор — это не игрушка. Он для серьезного дела нужен. А для ваших безделиц у нас ничего нет. И не будет.

Из «Сельхозтехники» Башкирцев прямиком следует на базу «Вторчермета». Здесь ему иногда повезет. Омские совхозы не чета иным своим собратьям из других областей. Они, если хотите, аристократы. Чуть захандрил культиватор — ну, и отправляйся за это на базу «Вторчермета» выполнять план по металлолому. А Башкирцев тут как тут: «Взвесьте агрегатик!»

Голубая, как фиалка, мечта главного агронома цветоводческого хозяйства — автоматические регуляторы микроклимата для инкубаторов. В «Сельхозтехнике» для цыплят они есть, для цикламенов, естественно, нет. А в металломе эти приборы, как и многие другие, к сожалению, не попадаются.

НАДО МЕЧТАТЬ...

Несколько лет назад омский цветовод Г. Сомова, выступая на всесоюзном совещании молодых работников сферы обслуживания, сказала: «В среднем на одного жителя РСФСР приходится 1/6 часть цветка. И если все юноши уступят свою долю девушкам, все равно ни у одной девушки не будет целой ромашки, чтобы погадать, любят или не любят у нас в республике заниматься цветоводством».

Цветочные оранжереи и магазины были тогда только в пяти городах, включая Омск.

Эти грустные, как увядшие хризантемы, цифры и вызвали официальное постановление о развитии цветоводства и увеличении продажи цветов населению. Мечты Башкирцева были записаны в нем черным по белому. Тут значились и сеялки, и культиваторы, и чудо-котельные, и чудо-регуляторы микроклимата (не инкубаторные, а специальные — оранжерейные). И сборные конструкции для строительства оранжерей. Такой расцвет цветоводства должен был наступить не позднее 31 декабря 1970 года.

А что случилось? Нет, главк зеленого хозяйства Министерства коммунального хозяйства РСФСР не положил постановление под сукно. Но, когда он требовал, просил, убеждал, доказывал, умолял, пытаясь получить записанное в постановлении, ведомства-поставщики в большинстве случаев насмешливо отмахивались:

— Ах, это только цветочки! Подождут, не завянут...

В конце концов доведенный до полного изнеможения главк выбросил белый флаг. Несколько дней назад Министерство коммунального хозяйства РСФСР обратилось в правительство с просьбой продлить срок выполнения постановления до 1975 года.

Так что цветовод Башкирцев может продолжать мечтать и дальше. Говорят, мечты, как цветы, украшают жизнь.

Омск — Москва.

КРОКОДИЛЬСКИЙ КОНЦЕРТ

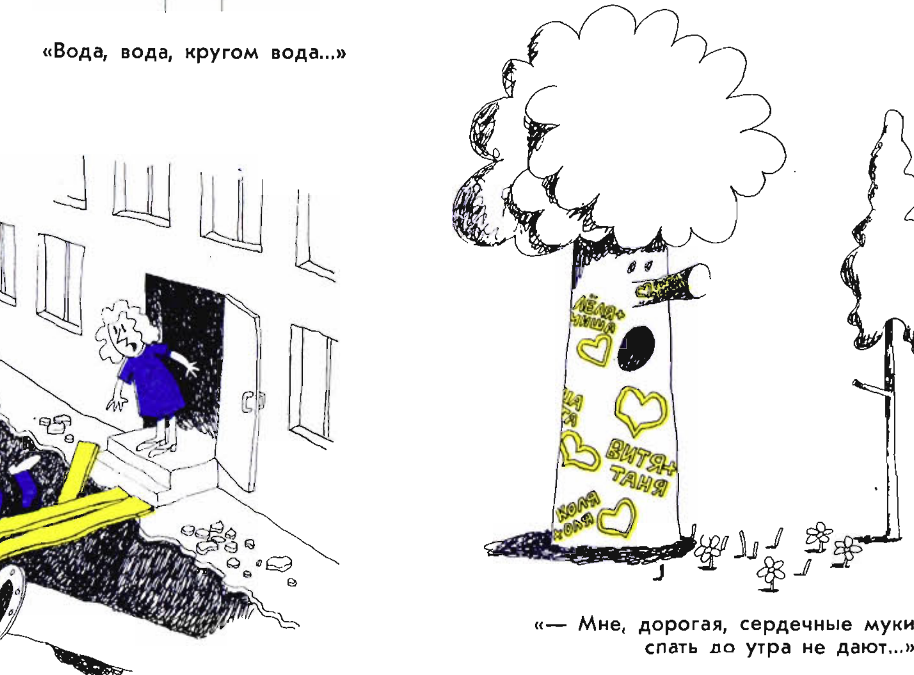
«А в садах бушует май...»

«— Ночью нас никто не встретит...»

«Вода, вода, кругом вода...»

«— Пойми, мне так твои глаза увидеть хочется...»

«— Мы простимся с тобой у порога...»

«— Мне, дорогая, сердечные муки спать до утра не дают...»

Рисунки А. СЕМЕНОВА

МИМОХОДОМ

Весна была из молодых, да ранняя.

Охота на солнечных зайчиков никогда не запрещается.

Весенний перелет жар-птиц.

«Живем!» — подумал Журавль, увидав охотника, у которого руки были заняты Синицей.

Из отчета: «Паводок прошел на должном уровне».

Листопад напоминает сокращение штатов: весной все вновь расцветает.

В ботаническом саду:
— А пальмы первенства у вас есть?

С. МАРКОВ

И. ПАВЛОВ

УНИКАЛЬНЫЕ ГОРОДА

Обстоятельства сложились так, что из пункта А в пункт Б вышел турист.

Мало этого, из пункта Б в пункт А тоже вышел турист.

Оба туриста совершенно случайно встретились в пункте С, как раз на полдороге между А и Б.

— Ничего себе этот С,— сказал Первый.— Симпатичный такой городок.

— Да, С симпатичен,— подтвердил Второй.

— А сами вы откуда? — поинтересовался Первый.

— Я из Б,— с гордостью ответил Второй.

— О! Из Б! Я бывал в Б! — воскликнул Первый.— Уникальный город!

— Да, Б уникален,— согласился Второй.

— Знаете, что мне у вас больше всего нравится? Озеро ваше. Такое отгрохали — берегов не видать.

— Да, озеро у нас... Какое озеро?

— Водохранилище, говорю, отгрохали что надо.

— И давно отгрохали?

— Года два назад.

— Интересно. Первый раз слышу. Все, знаете ли, в походах или у костра. А насчет озера это хорошо придумали. Рыбачить-то я на Селигер езжу или на Каспий. А у нас-то там, в озере, клюет?

— Клюет. Правда, я не особенный рыболов. Я на ваше озеро из-за знаменитой пещеры ходил.

— Да, пещера у нас... Какая пещера?

— Как какая? Длинная. 350 километров. Начинается у вас, кончается в соседней области.

— Что вы говорите? Никогда бы не подумал. У нас — и пещера! И такой удлиненности...

— Да, красавица пещера. Сходили бы на досуге, посмотрели. Вход с 10.00. А то неудобно, своих мест не знаете!

— Ну, почему же не знаю...

— Главное, конечно, на стоянку древнего человека там посмотрите.

— Что, давно стоит?

— Кто?

— Человек какой-то, вы говорите, стоит.

— Где? А... Этот давно стоит, то есть стоял. Кто говорит, неандерталец, кто — питекантроп, но все равно интересно.

— Надо будет как-нибудь выбраться. Да все некогда. Сейчас к вам в А тороплюсь, пока не поздно.

— Не пожалеете — прекрасный город. А почему, собственно, пока не поздно?

— Вы что же, ничего не знаете?

— Нет.

— Опускается ваш А. Что ни год, все ниже и ниже уровня моря. Ученые подсчитали, того и гляди, совсем под воду уйдет.

— Господи, да я три дня как оттуда, а ничего не знаю!

— Вот и напрасно. Я посторонний человек и то знаю, что за год ваш А на полтора сантиметра опускается, к 3000 году его, того и гляди, совсем затопит.

«Я назад побегу,— решил Первый.—Жену предупредить».

«И то, — задумался Второй.— Пойду-ка к себе в Б. Пещеру посмотрю, человека этого... Может, стоит еще».

ПОЗДРАВЛЕНИЕ С НАГРУЗКОЙ

Какими бы ни были свирепыми знаменитые якутские морозы (читай о воробье, замерзающем на лету), но и им приходит конец.

И вот уже на прилавках по-весеннему нарядных книжных магазинов появились поздравительные открытки — «С Первомаем!» и «С Днем Победы!».

Зашел в свой книготорг гражданин А. Сережников, житель села Крест-Хальджай, что в Томпонском районе, увидел гирлянды нарядных открыток и прямо так и попросил:

— Парочку мне...

— А мы только по восемь продаем,— жмурясь от ласкового весениего солнышка, отвечала продавщица.

— Можно и восемь,— великодушно отвечал на это А. Сережников.

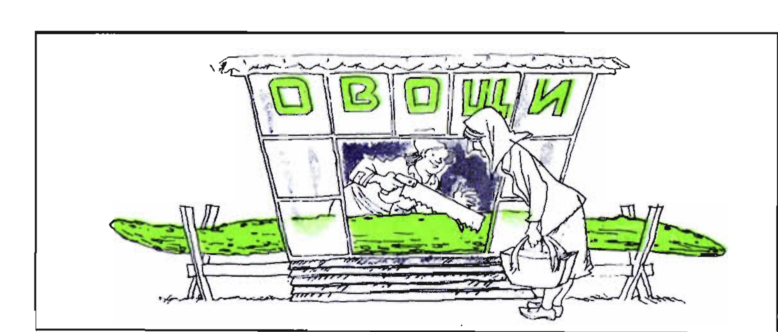
— Тогда берите их вместе с книгой «Выращивание кукурузы».

— Э, так не пойдет,— запротестовал гражданин А. Сережников. — Мне только открытки.

— Вы же культурный человек,— обиделась продавщица.— Что вам — тридцать копеек жалко?

Вздохнул гражданин А. Сережников и отошел от прилавка. Ну если бы, положим, была книга «Выращивание персиков в условиях Крайнего Севера» — это бы еще куда ни шло...

А. АЛЕШИН

— Вам полкило?

Рисунок Г. ИОРША

Обои по сезону.

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Н. ИСАЕВ

ДЕНЬ ЧУДЕСНЫЙ!

[Пародия]

Здравствуйте, дорогие товарищи! Наш микрофон установлен на льду реки Невы в Ленинграде. У нас здесь стоит великолепная солнечная погода, лед тает прямо не по дням, а по часам. Вот почему вдвойне интересно поговорить об этом здесь, метрах в пятидесяти от берега, когда так живо ощущаешь под собой биение молодого сердца нашей красавицы Невы. К нам подходит мужчина средних лет в полушубке овчинном.

— Простите, пожалуйста,— обращаюсь к подкупающему своим полушубком овчинным мужчине средних лет.— Я из редакции передачи «Мороз и солнце», веду радиорепортаж «День чудесный». Не могли бы вы сказать, как вас зовут?

— Степанов.

— Кем и где вы трудитесь, товарищ Степанов?

— Я сейчас на бюллетене, у меня грипп.

— Будьте здоровы, товарищ Степанов! Я думаю, к моему пожеланию присоединятся тысячи и тысячи наших радиослушателей. Да, товарищ Степанов, оказывается, болен, он на бюллетене, и все-таки его понесло на Неву, на лед, поближе к уникальным архитектурным ансамблям. А не слишком ли тонкий лед, товарищ Степанов? Не провалимся ли?

— Не провалимся.

— А можем?

— Можем.

— Можем, но не провалимся — таково мнение нашего немногословного приветливого собеседника. А вот к нам подходит совсем юный мальчик. Как тебя зовут?

— Меня зовут «Рыжий», фамилия Спотыкалов.

— Ты здесь гуляешь, Ры... Спотыкалов?

— Да, я здесь прогуливаю третий и четвертый уроки. У нас контрольная по арифметике. А потом я пойду домой.

— Но прежде, чем ты пойдешь дальше, Спотыкалов, с задорной пионерской песней, я хочу спросить тебя, как ты думаешь: провалимся мы или не провалимся?

— Не провалимся, лед еще крепкий,— говорит Спотыкалов и в подтверждение своих слов — слышите, дорогие радиослушатели? — стукает несколько раз правой ногой по льду. Я думаю, вы хорошо слышите последовавший за этим стуком специфический треск льда. Да, мы проваливаемся. Степанов, Спотыкалов и я уже в чистой невской воде. У нас здесь установилась великолепная весенняя погода, жарко светит солнце, заметно короче стали ночи, так что этого надо было ожидать. Вы не забыли, дорогие товарищи, мы со Степановым и Спотыкаловым стоим по грудь в воде. Степанов кричит, Спотыкалов ревет, а я веду репортаж. Простите, вот к кромке льда подползает молодой человек в свитере, в спортивной кепке, на груди значок ГТО. Он протягивает руку ревущему Спотыкалову, потом Степанову, потом мне.

— Скажите, это первый ваш спасенный школьник? — обращаюсь я к нашему спасителю.

— Что вы, каждой весной по десятку школьников вылавливаем. Сколько ни объясняй — все равно на лед лезут.

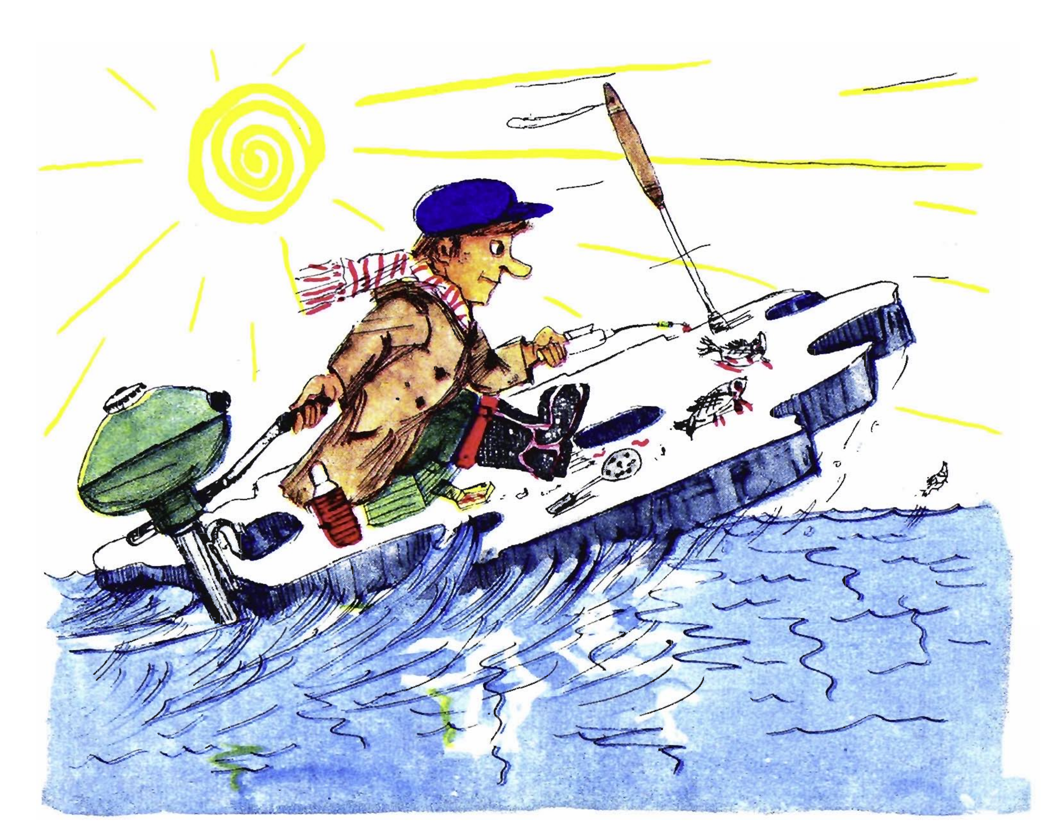
— Спасибо большое за все,— тепло жму я его мокрую руку.— А вот к нам подходит большая группа молодежи. Вы, вероятно, студенты?

— Да, из кораблестроительного,— отвечает дружный хор.

— Как думаете, провалимся мы или не про...

Раздается знакомый треск, и мы проваливаемся. Веселый народ студенты: то и дело слышится смех, озорная прибаутка. Хорошо держатся на воде ребята-корабелы. Вот и пригодились прочные знания, полученные в институте...

Очень жаль, дорогие друзья, но мне придется прервать репортаж, так как я утопил микрофон, чтобы не утонуть самому. До новых встреч в эфире...

Лед тронулся!

Рисунок В. КАНЕВСКОГО

МИРМУХСИН,
редактор узбекского сатирического журнала «Муштум»

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Дружеский шарж Н. ИБРАГИМОВА

НА ЛОВЦА И ЗВЕРЬ

Случится же такое

Инженер Иванов, проснувшись среди ночи, потянулся к столику, чтобы взять сигарету. Портсигара на месте не было. «Наверное, я его оставил в плаще,— с досадой подумал Иванов.— Придется вставать».

В передней на вешалке плащ отсутствовал, не было там и демисезонного пальто. А потом, одно за одним, последовали и еще неприятные открытия. Не оказалось на месте «Спидолы», а в шкафу — костюмов, рубашек и капроновых галстуков. Словом, чем больше инженер обследовал свою холостяцкую квартиру, тем с большим прискорбием убеждался в непонятном исчезновении ценных вещей.

Иванов позвонил в милицию.

Прибывшая на место оперативная группа никаких следов не обнаружила. Опрос соседей тоже ничего не прояснил. Потерпевший же рассказал, что дверь на замок он не закрыл, так как спать еще не собирался. Лег, не раздеваясь, на кровать, раскрыл журнал и... не заметил, как уснул.

От квартиры инженера до дома, где жил старший опергруппы, начальник уголовного розыска А. Михальцов, было всего несколько кварталов. Михальцов отпустил служебную машину, решив пройтись пешком, чтобы не спеша поразмыслить над этим необычным происшествием.

«Да, нелегко нам будет разыскать похитителя,— шагая по предрассветным улицам, обеспокоенно думал Михальцов.— Чтобы вот так нагло обобрать квартиру в присутствии спящего человека... Видать, преступник — стреляный воробей...»

Когда Михальцов поднялся к себе на четвертый этаж, то перед дверями квартиры он увидел спящего человека. Незнакомец сладко похрапывал, положив голову на большой узел.

— Эй, приятель, подъем! — пошевелил Михальцов спящего.— Нашел место, где ночевать!

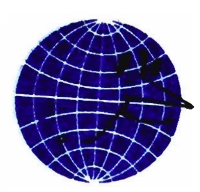
Человек зашевелился, приоткрыл глаза и, увидев наклонившегося над ним милиционера, испуганно вскочил на ноги.

В отделении милиции задержанный рассказал, что приехал в гости к брату. Они крепко выпили в честь встречи, вышли погулять. А дальше он ничего не помнит. Не помнит, куда девался брат, как он попал в квартиру инженера. И тем более не помнит, как украденные пожитки принес прямо к дверям начальника уголовного розыска.

В. КОНИН

г. Кемерово.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Ласло ФЕЛЕКИ (Венгрия)

О ТОМ, О СЕМ

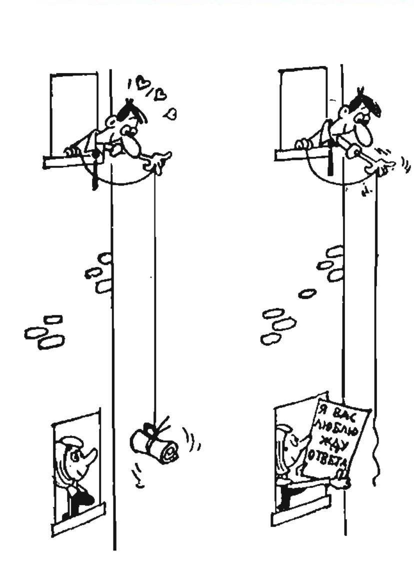
Тому, кто не умеет врать, лучше оставаться честным.

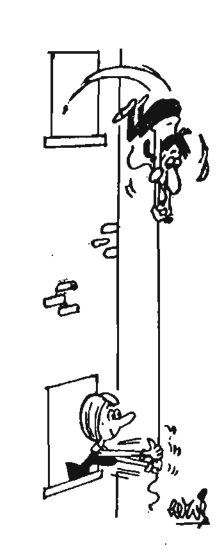
Охотно был бы храбрым, если б осмелился.

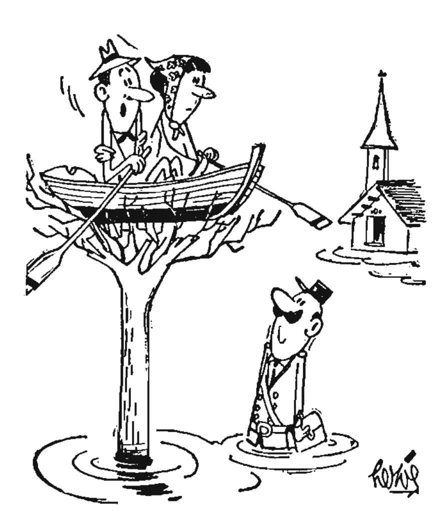
Когда новый Коперник объяснит каждому человеку в отдельности, что мир вращается не вокруг него?

Чем старше человек, тем больше у него друзей-медиков.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

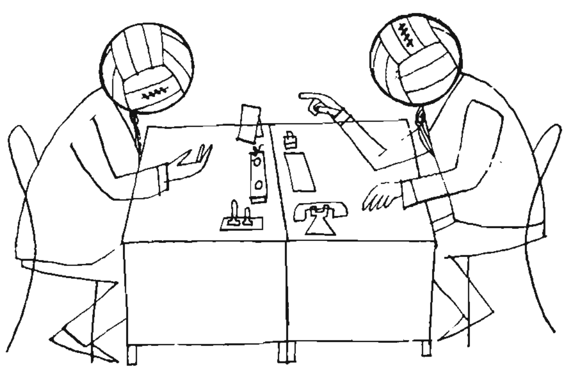

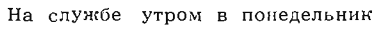

— Мы не виноваты. Паводок окончился слишком быстро!

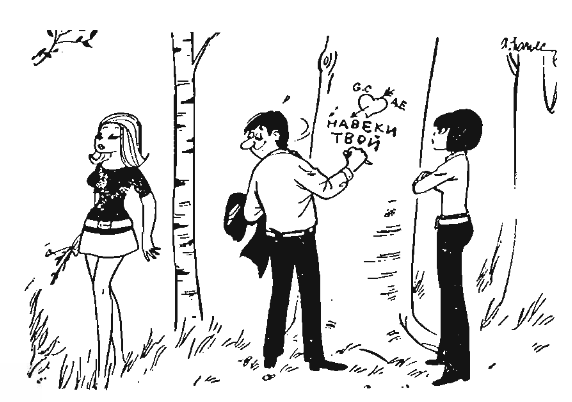
«Жерминаль», Бельгия.

На службе утром в понедельник.

«Лудаш мати», Венгрия.

«Жерминаль», Бельгия.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Анатоль ПОТЕМКОВСКИЙ (Польша)

ТЕЛЕФОН

В первый раз это было так: в трубке прозвучал женский голос:

— Очень жаль, но сегодня ничего не выйдет. Мы встретиться не сможем.

— Простите,— сказал я,— это, кажется, какое-то недоразумение.

— Никакого недоразумения нет! — поспешно ответила пани.— Сегодня я действительно не могу!

— Нет, так нет,— согласился я.

Должно быть, мой ответ показался ей достаточно холодным, потому что голос в трубке окрасился легким беспокойством.

— Не обижайтесь по пустякам! — сказала пани.— Я позвоню через пару дней и все вам объясню.

— Сомневаюсь,— ответил я.

Мне казалось маловероятным, чтобы следующий разговор вообще состоялся.

Но я ошибся. Через неделю пани позвонила снова.

— Мне ужасно неприятно,— сказала она,— но все так складывается, что, к сожалению...

— Мы не сможем увидеться? — догадался я.

— Не сможем,— сказала пани.— Только не принимайте этого близко к сердцу!

Я обещал сохранять спокойствие, и на этом разговор закончился.

Третий разговор несколько озадачил меня.

— Вчера было так чудесно! — произнес тот же голос в трубке.— Но сегодня вечером я не приду. Ты не сердишься?

— Нет,— ответил я. Мой ответ успокоил пани.

Итак, мы уже были на «ты». В таком случае я имел право считать, что нас связывает нечто большее, чем простое знакомство. После двух-трех следующих разговоров у меня на этот счет не осталось никаких сомнений. Пани была лаконична, однако пару раз привела меня в замешательство. Я пришел к выводу, что нас с нею связывают весьма странные отношения. Может быть, это происходило попросту из-за какой-то удивительной неисправности телефона? Судите сами: когда у нее не было времени, она непременно попадала ко мне. В конце концов меня это начало здорово нервировать.

Но последний звонок доставил мне немалое удовольствие.

— Мне необходимо пять тысяч злотых,— сказала пани взволнованно.— Ты можешь дать их мне сейчас же?

— Конечно! — обрадовался я.— С превеликим удовольствием! Мне это будет очень приятно!

— Тогда я через пятнадцать минут буду у тебя!

Я положил трубку и целых пятнадцать минут сидел в кресле, очень довольный своей шуткой.

Потом раздался звонок в дверь...

Инспектор поймал на месте преступления браконьера.

— Что вы тут делаете? — грозно спросил инспектор.— Весенняя охота запрещена.

— Со мной приключилась беда,— ответил браконьер,— я решил застрелиться, но рука дрогнула, и дробь попала в утку.

●

Молодая жена спрашивает мужа:

— Ну как, дорогой, понравился тебе обед?

— Соль была превосходной, жаль только, что ты не налила побольше супу.

●

— Мадемуазель, вы хотите стать моей женой?

— Но мы знаем друг друга только два дня!

— Ну, хорошо, я могу подождать еще денек...

●

За вечерним чаем Джон сказал отцу:

— Вчера вечером я пригласил девушку, с которой знаком уже месяц, в кино, затем мы пошли ужинать в ресторан, потом поехали в кабаре, слушали музыку, танцевали, потом я отвез ее домой на такси. Как ты думаешь, могу я уже сделать ей предложение?

— Разве это так необходимо? Ты и так много для нее сделал.

КРОКОДИЛ

№ 12 (1986)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали Ю. Андреев, М. Вайсборд, А. Грунин, В. Жаринов, Г. Иорш, Л. Немировский, В. Тамаев, В. Тильман, Ю. Узбяков, Ю. Федоров, Ю. Черепанов, Е. Шабельник.

Главный редактор М. Г. СЕМЕНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

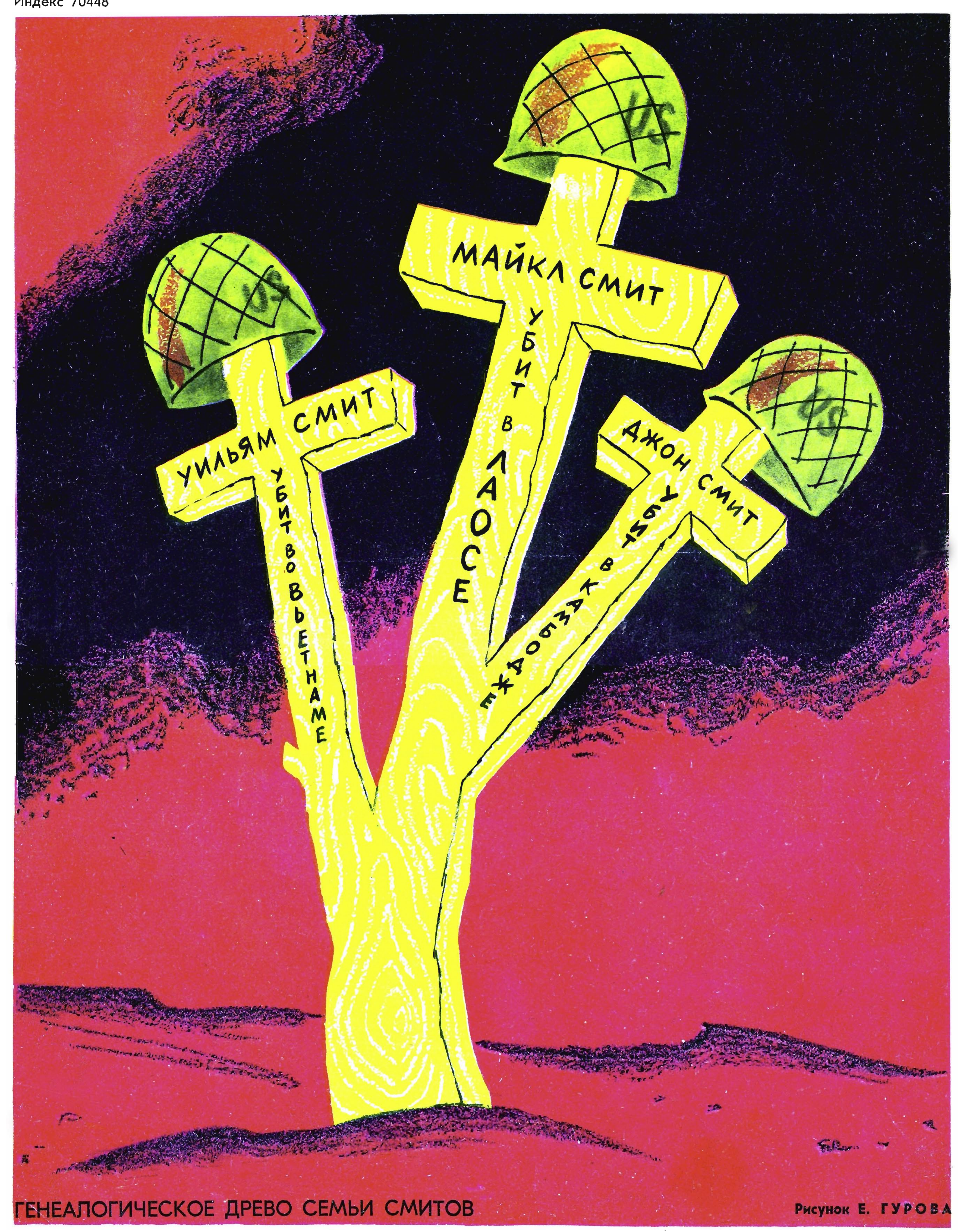
Технический редактор А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 9/IV 1971 г. А 00882. Подписано к печати 17/IV 1971 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 000 000 экз. (5 завод: 4 670 601 — 5 000 000). Зак. 1332

Фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва А-47, ул. Правды, 24. Отпечатано в типографии «Уральский рабочий», г. Свердловск, пр. Ленина, 49.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО СЕМЬИ СМИТОВ

Рисунок Е. ГУРОВА